

А.И. Вычугжанин

(за плечами Казанское художественное училище и Харьковский художественный институт), может творить в полную силу своего ума, своих чувств, своего мировоззрения....

Живописец был на пороге тициановского величия!

Аркадий Иванович Вычугжанин родился в 1929 году 20 декабря в деревне Оверицы Вятской губернии. В самом сердце России. Правильно-то, оказывается — Оверицы. «Вычугжанины были в Пугачах, рядом с Оверицами». Это мне в «Одноклассниках» женщина одна, родом из тех мест, поведала. Нет теперь ни Пугачей, ни Овериц....

Закончив учение, Вычугжанин оказался в Иркутске. Сюда, к Байкалу, пригласил его бывший сокурсник по Харьковскому институту Анатолий Алексеев.

Профессиональное мастерство приезжего молодого художника оказалось уровня высочайшего, хотя и местная, иркутская школа живописи далеко не из последних — Иван Лаврович Копылов, основатель Иркутского художественного училища, заложил фундамент накрепчайший. Но мастерство, безупречный художественный вкус, требовательное отношение к себе ставили Вычугжанина выше и его сокурсников по Харькову. Кроме того, он совершенно не терпел никаких компромиссов в искусстве. Известен факт, что когда А. Алексеев и Г. Богданов (оба выпускники Харьковского института) начали работу над фундаментальной картиной «Сибирь социалистическая», получившей в дальнейшем на выставке «Советская Россия» в Москве высочайшую оценку, Вычугжанин не стал участвовать в этом... проекте (его ведь наверняка приглашали бывшие сокурсники). Вероятно, что и Алексеев, и Богданов вполне искренне писали социалистическую

В 1984 году Аркадия Ивановича не стало, и это казалось настолько нелепым... в это не хотелось, невозможно было поверить. Ему исполнилось всего пятьдесят четыре года. Наступала зрелая пора творчества, в это время к художнику приходит ясность духовного зрения, всевозможные сомнения, обычно сопутствующие художнику до последних дней, уже не так досаждают его опытной душе. Впереди ничем не стесненное творчество, когда художник, вооруженный недюжинным мастерством

Сибирь, но для Аркадия Ивановича, для его убеждений это был дичайший компромисс. Подумайте только, среди его работ — ни одного политического заказа.

Посмотрите на картину «Портрет чекистки Е.Н. Башариной-Соболевской» (1977). Посмотрите без предубеждения в лицо этой женщины. Такие люди, русские люди, свято верили в единение людей под лозунгом социального равноправия. Их жизненные установки, выработанные тысячелетием православия, прекрасно укладывались в идею коммунистического общежития. Скорее не их вина, а их беда, что они остались без Бога. И художник пожалел ее, пожалел эту уставшую от собственной идеологической несгибаемости женщину-чекистку, пожалел, как сын жалеет мать, — он накинуд на ее плечи посадский цветастый платок, чтобы согрелась душа, чтобы радость проникла в ее сердце... Но платок превратился в пепел и полыхающие угли...

Сострадание, искренняя любовь к человеку светится в каждом портрете Аркадия Ивановича Вычугжанина.

Жил одно время в Иркутске молодой скульптор. Не могу дать ему оценки как художнику потому, что видел всего три его работы. И вот он, влекомый жаждой творчества, вытесал из двух больших каменных глыб две большие каменные головы. Они долго стояли в его мастерской, занимая много места. Потом, уезжая из Иркутска, скульптор закопал их прямо в мастерской... Что-то, по-видимому, мешало ему раздробить их на куски и вынести с мусором...

Пусть не обижается на меня скульптор Ряшенцев. Ситуация, конечно, гротесковая, но кто застрахован от подобного? Даже великие художники и прошлого, и настоящего постоянно, хотя бы втайне, терзаемы сомнениями по поводу самоценности своих творений. Это нынче, когда наступила еще одна, я думаю, все же тщетная попытка переоценки вековых ценностей, желторотые юнцы, не говоря уж о юнцах пожухлых, ляпают из сантехнических предметов нечто монстроподобное и кричат надрывно о своей подсознательно самовыразившейся гениальности... Да Бог им судья, несчастные....

Аркадий Иванович написал «Портрет скульптора Ряшенцева» (1966). В портрете нет и тени издевки над скульптором. Там есть образ мучительного размышления художника над своими творениями — что сотворил он, зачем эти молчаливые каменные истуканы?.. Там есть серьезное и глубокое размышление о судьбе художника, о судьбе его творчества, о смысле искусства вообще... Там есть сочувствие...

*Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется,
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать.*

Как точно эти тютчевские строки выражают сверхзадачу всего творчества Вычугжанина... Именно благодать сочувствия поселяет в душе зрителя художник своими творениями.

Сегодня мы, погрязшие в современной рационалистической суе, отравленные «новейшими» взглядами общества, в котором ценность самой человеческой жизни, чего уж говорить о душе, поставлена под сомнение, мы, очерстневшие сердцем, не в силах по духовной слабости своей пробиться к животворной вере нашей. И потому именно теперь творения Аркадия Ивановича Вычугжанина и всех тех, кто нес и самоотреченно несет сегодня живой дух русского реализма, для нас, стоящих на краю inferнальной пропасти, жизненно необходимы, как глоток живой воды.

Вот другой портрет — на мой взгляд, одно самых глубоких полотен художника. «Портрет телятницы Турской фермы И.Е. Нестерчук» (1961) — поэтическая, философская ода русской женщине.

На небольшом холсте изображена женщина в платье, темном, с мелкими цветочками. Белый цветастый платок на плечах. Крестьянскими натруженными, но удивительно нежными, материнскими руками женщина чуть смущенно придерживает края платка... В лице ее, потемневшем от холодов, ветров и зноя крестьянской жизни и похожем теперь на иконописные лики, вы не найдете особых характерных черт, они как бы выпиты повседневным нелегким трудом, переживаниями, какой-то высшей, надмирной, самоотреченной заботливостью... Беззащитно белеет шея... Всепрощающий и любящий взгляд направлен мимо зрителя... Она думает не о своей тяжелой доле....

Таких женщин на Руси всегда было множество. В обычной жизни мы, гонимые страстной жадой жизни, как правило, не замечаем их. А между тем, именно им, этим простым русским женщинам — нашим матерям — открыт тот самый смысл бытия, в поисках которого блуждаем мы до конца своей жизни... это та самая распутиная женщина, которая призвана спасать мир, спасти русский мир.

В истории не только русской, но и европейской живописи трудно найти более проникновенный образ женщины-жены, женщины-матери.

Ни в одном портрете работы Аркадия Ивановича вы не найдете ни малейшего повода почувствовать превосходство художника над портретируемым. Простая русская телятница не была для Аркадия Ивановича человеком какого-то низшего сорта. И даже напротив, он ставил ее много выше себя! Будь иначе, он просто никогда и не стал бы писать этот портрет. Более того, мне представляется, что для него вообще человеческая личность всегда была и глубже, и интересней, и значимей его собственного я. Безусловно, Аркадий Иванович руководствовался в своем портретном творчестве тем, не модным сегодня, соображением, что, познавая лучшее в людях, мы сами становимся и лучше, и понятней себе.

Вообще, надо сказать, что пятидесятые-шестидесятые годы прошлого теперь уже века были, несмотря ни на что, годами для искусства благословенными. Это был подъем в русском искусстве. Именно в то время расцвели такие русские гении, как Свиридов в музыке, Корин, Пластов, Попков в живописи, Астафьев, Белов, Распутин, Рубцов в литературе. Секрет такого подъема в том, что творчество этих художников не было оторвано от народной жизни, оно жило народной жизнью, оно питалось соками народной культуры. Оно не болело своей исключительностью, оно сознавало и создавало свою великую второстепенность!

Выскажу предположение, что Аркадий Иванович со своим «академическим» художественным образованием мог оказаться «беловой вороной» — в шестидесятые, восьмидесятые годы редкий художник в Иркутске мог похвастать столь фундаментальной школой, таким серьезным отношением к творчеству — но Вычугжанин легко и натурально вошел в иркутскую художественную среду. Имя его быстро обрело широкую известность. Авторитет Аркадия Ивановича стал непрекаем. Ни одна зональная выставка Сибири не обходилась без его решающего голоса. Художники искали услышать его суждения об искусстве, о живописи, об их картинах, а кому посчастливилось учиться у Аркадия Ивановича, вспоминали его с поклоном. Вот слова Владимира Кузьмина: «Ученики благоговели перед Аркадием Ивановичем, как перед могучим мастером-живописцем, а и человек был незаурядный... любомудр, можно сказать... и начитанный. Бывало, ученики спро-

сят про нашу шумевшую книгу, а он сразу: дескать, читал, читал... И уж мнение своё имеет. И пел чудно. Любил кондовые сибирские песни, чтоб душа пела...»

В кругу Иркутских художников. (Вычугжанин сидит слева в рубашке)

Кроме того, Аркадий Иванович, как теперь принято выражаться, был лично харизматической. Скромный, даже простоватый с виду, небольшого роста, крупные руки, лоб мыслителя, красивое русское лицо, спокойный внимательный взгляд, живая народная речь... Он, еще и не начав говорить, уже завладевал вниманием окружающих. А уж если Аркадий Иванович говорил, то присутствующие с жадностью ловили каждое его слово, которое всегда было точным, выразительным.

В семейном архиве Вычугжаниных хранится фотография, на которой запечатлен момент встречи группы иркутских художников с великим русским живописцем Павлом Дмитриевичем Коринным. В этой группе находится и молодой еще Аркадий Иванович. На фотографии отчетливо прочитывается, что Корин разговаривает именно с ним, что остальные только присутствуют при разговоре. Зная Аркадия Ивановича, с большой долей вероятности можно утверждать, что Корин и в самом деле из всей группы выделил для разговора именно его, что именно ему были направлены какие-то, возможно, очень важные, слова.

Полагаю, Аркадий Иванович прекрасно знал себе цену, и этого не могли не замечать коллеги по Союзу. Не то, чтобы у него не было друзей, но определенная сдержанность в отношениях с братьями-художниками чувствовалась. И все же друг у Аркадия Ивановича появился. Художник молодой, остроглазый, остроязыкий, талантливый, искрометный, обаятельный, стремительный, элегантный, современный — Галина Евгеньевна Новикова. Окончив училище искусств на курсе Вычугжанина, она тоже стала преподавать там, и я учился у нее...

И только по прошествии многих лет, когда постепенно истаял морок её обаяния, мне стала непонятна эта дружба. Два совершенно разных человека с противоположными взглядами на жизнь, два разных художника с взаимоисключающими принципами искусства. Два абсолютно разных мира....

Аркадий Иванович, крестьянский сын из многодетной семьи — основательный, неспешный, углубленный в свое дело человек. Он не терпел суеты, поверхностности... Философская направленность его произведений говорит о напряжен-

Беседа с великим русским живописцем Павлом Дмитриевичем Кориным. (Вычугжанин сидит справа, спиной.)

ной работе ума и сердца, о равнодушной и сострадательной натуре его. В своих портретах он бережно размышлял о человеческой судьбе, о сложных характерах. Главное в творчестве Вычугжанина — любовь к человеку как к творению Божию.

Беру на себя смелость утверждать, что Аркадий Иванович был верующим. Не воцерковленным — в те времена трудно было прийти к Церкви, но верующим по духовному складу души, по генетической памяти, по врожденному миропониманию... Портреты Аркадия Ивановича можно воспринимать как молитвы за людей, которых он писал... Проникновенные, глубокие молитвы...

Галина Евгеньевна писала характеристики. Хлесткие, точные, беспощадные, как приговор. Характеристики, не позволяющие портретируемому (третируемому) иметь сложную натуру: вот этот — мартовский кот, этот — желчный мизантроп, вот — циничный, с личным превосходством научный работник, а вот красotka с претензией на интеллект... да, наверное, все это есть в этих людях... и сходство потрясающее! Но настолько ли однозначен человек? Неужели вот так легко и просто познать и поставить на нем печать?

Нет, Галина Евгеньевна Новикова, безусловно, мастер. Мастер высочайшего класса! Но самое, что ни есть, могучее мастерство, в котором нет любви к человеку, разрушительно... и прежде всего для самого художника. Галина Евгеньевна, конечно, не злой гений. Просто она была слишком стремительной и остроглазой, что, очевидно, мешало ей углубляться в живую натуру...

Чист упругий белый холст: молодой мастер стоит перед ним, его лицо почти не видно зрителям, оно отрешенно, возвышенно задумчиво... Над чем так сосредоточен художник?.. На картине напряженный момент творчества, таинственный и непостижимый... Возможно, в это мгновение перед ним встают образы давно минувшего, образы его деревенского детства, когда складывалось его мироощущение, его мировидение. За холстом подготовительные рисунки и эскизы к портрету старейшей поселенки М.Л. Прибытковой; это ее Аркадий Иванович называл «моя муза»...

В картине отображен самый главный, стержневой момент творческой жизни — момент выбора пути... Вернее, выбор уже сделан, и теперь на белом холсте худож-

Г.Е. Новикова. Автопортрет.

ник внутренним, духовным зрением уже видит свои самые сокровенные творения: и те, которые сбудутся, и те, которым сбыться не суждено.

Белый холст как завет творчества, как вечный зов Завещанной любви. Именно для нее искусствоведы придумали сухое, ничего не говорящее слово — реализм... Да, истинный реализм там, где художник творит, прежде всего, не от любви к краскам, а творит самозабвенно от любви и живого сострадания к человеку, к миру, там, где художник видит великий смысл бытия.

Белый холст как завет величайшей ответственности художника.

Аркадий Иванович, как глубоко русский художник, наверняка хотел поделиться со своим зрителем чем-то очень значимым и важным. Чем-то сокровенным, чем-то открывшимся только ему... Поделиться своими, как ему совершенно справедливо казалось, очень нужными и даже необходимыми, жизненно необходимыми мыслечувствами. Уж такова особенность русского художника, что жаждет он вложить в свое произведение наиболее и чувства, и смысла, чтобы оно могло жить своею жизнью, чтобы оно могло говорить языком души, языком сострадания с каждым живым человеком...

Аркадий Иванович работал неторопливо, проникновенно, с сознанием огромной ответственности перед людьми за свой дар, который он с легкостью мог бы обратить в житейские блага для себя. Но он работал, не помышляя ни о почестях, ни о наградах, коими с успехом обзаводились его коллеги. Он весь, без остатка был искренне предан искусству. Справедливости ради надо сказать, что ему хотели присвоить звание заслуженного художника СССР. Не один раз в Москву были отправлены необходимые для оформления документы и фотографии, но каким-то странным образом и фотографии, и документы терялись....

Несомненно, он много размышлял о назначении художника, об ответственности русского художника за своё творчество перед своим народом, плоть от плоти которого он был.

«Ещё в начале шестидесятых он загорелся написать портрет Андрея Рублёва, — пишет о Вычугжанине Лев Борисович Гимов, иркутский художник. — Он шёл к этой работе год за годом, всерьёз размышляя над феноменом русской иконописи. К этому времени вышел на экраны «Рублёв» Тарковского, и многие живописцы, недолго думая, взялись за кисти. Разумеется, работы этих торопыг были поверхностны в решении темы, грешили иллюстративностью. Аркадий Иванович вынужден был остановить себя — взялся за автопортрет, который можно без натяжки трактовать как серьёзную пробу в решении будущего портрета Андрея Рублёва».

Что же помешало Аркадию Ивановичу в дальнейшем прийти к решению этой темы? Мне кажется, художник в процессе работы над автопортретом, в ходе серьёзных размышлений над русской иконописью понял, что иконопись не есть живопись в прямом смысле. Что иконопись, по выражению Павла Флоренского, — богословие в красках.

«В России иконопись стала свидетельством не столько о вере христиан, сколько о жизни во Христе, о том, что может произойти в человеке, который не образно и символически, а лично и всерьёз воспринял слова Спасителя: «Будьте

совершенны, как совершенен Отец наш Небесный (Мф. 5, 48)» — так говорит об иконописи Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II в предисловии к книге «Русская иконопись» (М., 1991).

Далее Патриарх говорит, что создаваемое подвижниками иконописцами — преподобным Алипием-иконописцем, Андреем Рублёвым и Феофаном Греком, а также тысячами многих, чьи имена ведомы только Богу, «зиждилось на духовном опыте Церкви, который стал и их личным опытом».

Вот что прозрел в сердце своем Аркадий Иванович, размышляя над образом Андрея Рублёва. Он увидел, что законы иконописи есть нечто иное, нежели законы мирской, светской живописи, что образ Андрея Рублёва не может уложиться в образ светского художника. Что в высшем смысле Андрей Рублев не был художником, что он был монах и богослов. Аркадий Иванович понял всю тщету задуманного. Врожденное православное миропонимание помогло Аркадию Ивановичу увидеть это.

Сегодня картины Аркадия Ивановича пылятся в запасниках художественного музея, появляясь «на люди» раз в пять-десять лет... Но картины как живые — им необходимо общение... От одиночества они теряют смысл своего существования. А мы — хладнокровные потребители эстетического — глянув сметливым глазом оценщика на предмет высокого искусства, запираем его в «долгий ящик» для сохранности и... все. Но ведь известно, с глаз долой — из сердца вон...

За последние тридцать лет изрядно иркутских художников, и заурядных, и даровитых, издали свои буклеты и альбомы, но и по сей день не издан альбом живописи Аркадия Вычугжанина, выдающегося мастера портрета. Странно, что культурная власть обошла художника, чьи избранные произведения в едином ряду с шедеврами классической русской живописи прошлых веков. Увы, что-то намеренное сквозит в сём умалчивании; и не пытаются ли нас заставить забыть о великом русском портретисте?..

И в наш новый, гибельно рационалистический век, когда на смену человеколюбию, состраданию, жертвенности приходят ценности совершенно иного порядка, когда мерилom человеческих отношений становится упругость кошелька, мы убираем с глаз долой все, что способно тронуть сердце, все, что способно разбудить живые чувства, все, что может заставить человека мыслить человечно, то есть не так, как того требует сегодняшнее время, в котором властвует бездушный и недальновидный расчет.

И я задаю себе вопрос — для чего же трудились и трудятся сегодня иркутские художники, если их творения, просверкнув на какой-нибудь выставке, простаивают потом где-нибудь в мастерских или музейных запасниках? Зачем вообще нужна живопись, если ее никто не видит? Представьте себе, что произведения Пушкина, Гоголя, Достоевского, Распутина... так и остались лежать рукописями где-нибудь в запасниках музеев... Спектакли в театрах идут десятилетиями, на хорошие спектакли люди ходят по многу раз. Какое-либо музыкальное произведение слушается сотни раз и живет вечно. Чем же провинилась живопись, что спрятана от глаз людских?! Где выставочный зал иркутских художников? Почему иркутян лишают возможности обогащать свой духовный мир?

Хотя, какое уж там теперь духовное обогащение... Дело дошло уже до того, что говорят, будто реалистическому искусству пришел конец... Сентенция эта, разумеется, лишена малейшего смысла. Реализм был, есть и будет всегда, ибо он так же необходим человеку, как хлеб, вода, земля, воздух, солнце... Правда, сегодняшнее положение в искусстве, вроде бы, говорит об обратном, но это временный

упадок, который наступал каждый раз, как только революционеры и политики затевали перекройку народной жизни и навязывали народу, среди прочего, «новое» искусство. На этот счет есть весьма откровенное и красноречивое признание пламенного перестройщика образца 1917 года А. Луначарского:

«Я протянул руку футуристам главным образом потому, что в общей политике Наркомпроса нам необходимо было опереться на серьезный коллектив творческих художественных сил. Их я нашел почти исключительно здесь, среди так называемых левых художников».

Как говорится, комментарии излишни... Да, перестройщики всегда найдут на кого опереться — нездоровых голов и просто пройдох от искусства в любые времена хватало, и не оскудеют во все времена.

Для чего же тратит художник свои душевные силы? Или его творческие муки пусты, никчемны? Или идеалы добра, любви и впрямь препятствие на пути прогресса? И в самом деле надо «сбросить с корабля современности» всех этих «хлюпиков» добротолубия? Так давайте откровенно признаемся, что нам совершенно безразличны, и даже досаждают все эти «потрепанные тысячелетиями» идеалы! Давайте честно предадим огню духовные ценности русского народа! Давайте поменяем наши нравственные ориентиры на противоположные! Тем более что сегодня глумление над Россией, над ее святынями в большой моде, и даже оплачивается. И не придется больше натужно лить крокодильи слезы над «вымирающим» реализмом. Предадимся же честно торгашескому духу рынка, безраздельно властвующему ныне в искусстве. Все на продажу!

Да возможно ли?! Конечно, невозможно. Невозможно, если мы верим в высшее предназначение человеческой жизни, если мы хотим будущности нашим потомкам. История человечества всегда изобиловала войнами и революциями. Но любая страна, где это происходило, даже при изменении государственного строя, всегда восстанавливала свою национальную культуру, свои понятия нравственности и свою религию, пусть даже в некотором измененном виде, если желала быть. В противном случае исчезала и страна, исчезал и сам народ. Тому в истории масса примеров.

И если мы хотим быть, нам необходимо восстанавливать наш культурный слой. Восстанавливать и укреплять тысячелетние ценности, которые одни только и могут защитить народ наш от разрушительного разгула пошлости, эгоизма, челокеконенавистничества, равнодушия, от власти кошелька...

Аркадий Иванович Вычугжанин является эталоном совести в искусстве. Его произведения должны всегда быть доступны. Они должны работать. Самой достойной памятью художника могла бы стать небольшая галерея его произведений. Это мог бы быть Дом русского искусства, где наряду с его произведениями беспрепятственно могли бы выставлять свои работы художники города и области. В этом доме могли бы проводить встречи все творческие силы области — и композиторы, и театральные деятели, и деятели кино, и писатели, словом все, кто всерьез озабочен состоянием нашей культуры. Создание такого Дома было бы хоть и небольшим, но весьма серьезным шагом в возрождении былой мощи русского искусства. Разобщение творческих сил, заложенное еще советской внутренней культурной политикой, весьма болезненно сказывается сегодня на состоянии национального искусства в целом, когда идет распад творческих союзов. Дом Русского творчества мог бы послужить объединению этих сил.

Вот такой Дом русского искусства вполне был бы достоин носить имя Аркадия Ивановича Вычугжанина.